

SECTION 18. Culturology.

Shamarova Svetlana Ilyinichna,
associate Professor, Ph. D. in Philology,
the Ufa state university of economy and service,
Russia

**REGARDING ANGLO-SAXON SACRED TRIAD: RELIGION-
CHURCH-KING**

The article covers the basic concepts-religion, church and king in Anglo-saxon society (pagan and christian), as well as close interconnection among mythology, folklore and religion. This Anglo-saxon triad is not determined to be sacred, as it stems from mythology and folklore.

Key words: sacred, religion, church, king, mythology, folklore.

**ОБ АНГЛОСАКСОНСКОЙ СВЯЩЕННОЙ ТРИАДЕ:
РЕЛИГИЯ-ЦЕРКОВЬ-КОРОЛЬ**

В статье рассматриваются основные концепты- религия, церковь и король в англосаксонском обществе (языческом и христианском), а также тесная взаимосвязь между мифологией, фольклором и религией. Устанавливается, что эта англосаксонская триада не является священной, т.к. восходит к мифологии и фольклору.

Ключевые слова: священный, религия, церковь, король, мифология, фольклор.

Прежде чем подробно остановиться на англосаксонской религии и церкви, необходимо рассмотреть соотношение концептов мифология и религия. Мы считаем, что эти два понятия амбивалентно-диффузные и аморфные, т.е. переходящие из одного в другое, поэтому очень трудно между ними определить четкие границы, т.к. и то, и другое трудно доказуемое и должно восприниматься как дефакто, т.е. как должное и на веру. Миф априори восходит к слову (от греч. *mithos* «речь, слово, беседа, разговор, указание, замысел, план, известие, миф»). По мнению И.Н. Лосевой, первобытный человек осваивал свое общественное бытие посредством мифа, который служил регулятором поведения в системе общения. «Если миф возникает в период формирования общества и общения не отделяющих себя друг от друга индивидов, то религия в период, связанный с необходимостью регулировать общение людей, контролируя их поведение не прямо посредством запретов и регламентаций, как в родовую эпоху, а опосредованно, воздействуя на их

духовный мир ... Миф в процессе приспособления к функциям религии сакрализуется. В религиозном сознании мир расщепляется и возникают священный (сакральный) мир и мирской (светский), в то время как в мифологии такое расщепление выражено не ярко. На базе мифологии как целостного и нерасчлененного общественного сознания первобытного общества развивается не только религия, но и не получивший религиозной окраски эпос, давший толчок для развития литературы, а также такие формы общественного сознания как политика, право – они еще долго несут на себе мифологические черты» [3, с.1,73]. Некоторые исследователи (Бергсон, Кассирер) считают, что «первая форма религии (мифология) была доинтеллектуальной, вторая форма - собственно религия-надынтеллектуальной, т.е. не нуждающейся в логике и рациональном знании. Она возникает на эмоциональной основе, на основе интуиции и вдохновения [там же, с.76]. Подобное расщепление и синтез мифопоэтических и религиозных (христианских) традиций можно наблюдать у всех народов мира (в частности, см. работу Л.О. Свиридовой об образно-символической системе древнерусской православной культуры, впитавшей в себя дохристианскую мифопоэтическую образность благодаря активному укоренению восточнохристианской традиции в процессе перевода византийских гимнографических текстов на церковнославянский язык) [4, с.3]. С.С. Воронцова в своей работе рассматривает основные концепты религии в народно-песенной традиции на материале фольклорной лексики русского, английского и немецкого языков. Так, например, в текстах фольклорных песен англичан и немцев зафиксированы лексемы, называющие элементы нехристианской религии – древнегреческих и древнеримских богов. В русской лирике одновременно с сохранением религиозных представлений наблюдается четкая тенденция к десакрализации этих понятий; основные концепты религии представлены символично, в то время как в фольклорных текстах английских и немецких народов эти концепты воспринимаются буквально и более эмоционально. Существенное преобладание имен библейских персонажей у немецких и английских народов по сравнению с русским, объясняется особенностью их вероучения-протестантизма. Присутствие в фольклорной песне трех народов названий предметов культа подтверждает идею о том, что религиозная вера русских выражается в культовой деятельности, а не в самой вере, как у протестантов [2, с.11, 124]. По мнению Е.А. Бондарец, «изучение лексико-семантической структуры основной единицы заговорных текстов –мифологизма-представляет собой специфическую проблему, неразрывно связанную с процессами взаимоотношений и взаимовлияний в триаде «частное проявление речи (заговор как фольклорный жанр) –речь-язык»... Мифологизм как основная единица заговорных текстов в восточнославянском фольклоре представляет собой многослойное образование, сочетает названные аспекты: прагматику,

эстетику, магичность, символичность. Жанр заговора, истоки которого находятся в глубокой древности, палеолите, зафиксировал и сохранил изменения в восприятии мира предками современных славян» [1, с.3, 9-10] Что касается англосаксонской религии, то она так же, как и религии всех народов мира, представляла собой синтез и симбиоз старого (собственно) язычества и нового язычества-христианства, которое по своей сути и происхождению тоже было язычеством, только более усовершенствованным. Англосаксы поклонялись богам природы: источникам воды, колодцам, камням и деревьям. Они верили в сверхъестественные существа такие, как эльфы, гномы, великаны. Hengest и Horsa, упоминаемые в качестве ютских вождей самой ранней англосаксонской миграции, возможно, тоже были божествами (позже они приобрели божественный статус). Имя Хенгест означает «жеребец», а Хорса – «лошадь». Лошадь в англосаксонской мифологии является очень важным символом. Сохранилось немало примеров гигантской лошади, выгравированной на многих меловых холмах в Англии (например, Белая Лошадь в Уффингтоне и Красная Лошадь в Тисоу) [6, с.3]. Постепенная христианизация Британских островов имела место в II-VI вв. В «Англосаксонских хрониках» часто эвфемистично пишется о насильственном характере процесса романской христианизации: например, об обращении срединных англов говорится, что в 653 г. они получили «правильную веру». Переход от языческих обрядов к христианским свидетельствует об обилии артефактов, используемых в ходе ритуалов раннехристианской англосаксонской церкви: жертвенники и камни для жертвоприношений сменили предметы, привезенные первосвященниками из Рима (священные книги, светильники, посуда и т.д.). Практически все сакральные вещи имели символическое значение. Главным объектом ритуала являлся крест. Первоначально восприятие этого артефакта было собственно языческим, т.е. крест воспринимался как подобие ритуальных веток деревьев, которые широко использовались друидами (древнеангл. wudu «дерево, лес, крест»; sigbeam «дерево победы, крест»). По мнению И.Ф. Янушкевич, обе номинации являются семантическими рудиментами языческого восприятия Бога новой религии как подобия англосаксонского бога Водена, Бога-победителя. Постепенно символика креста меняется и включает в себя крещение, спасение людей и ритуальный артефакт священнослужителя. Как уже было отмечено выше, в сакральной сфере в период раннего средневековья совершился переход от язычества к христианству, однако часть населения приобщилась к кельтской церкви, чьи ритуалы были намного аскетичнее и лаконичнее, а другая часть – к римской католической, которая усиливала свое влияние за счет пышности и торжественности ее форм богослужения. Сакральное у англосаксов было тесно связано с магическим ритуалом и магией. Магические действия англосаксов представляли собой сложные практики, осуждавшиеся

позднее христианами священниками как причиняющие вред человеческой душе: моления призракам и духам; моления в лесных капищах под деревьями; моления водным феям у ручьев; воспевание мертвых; чтение знаков судьбы-предзнаменований; поклонение камням как живым существам и исполнение жертвоприношений на камнях. Миросприятие язычников-англосаксов отражено в текстах заговоров и заклинаний. К магическим инструментам в первую очередь относятся травы, которым приписывается суггестивная сила (например, в «Заговоре девяти трав» перечисляются магические свойства девяти растений: полынь, подорожник, крапива и др.). Мифопоэтическая космология древних англосаксов построена на оппозиции сакральное-мирское. В их картине мира бытие предстает как «Семиземье» (семь миров). Асимметрия восприятия проявляется в магии количества этих миров (магическая семерка) и своеобразном неравноправии мирского и сакрального: миру людей отведено только одно место- середина, сакральное же окружает срединный мир со всех сторон. Таким образом, у древних англосаксов существовала сложная сакрализованная структура мира в виде семи координат, которые накладываются на трехмерную модель «верх (мир богов) – середина (судьба) – низ (место упокоения мертвых, т.е. прообраз ада). Путешествие людей в верхний и нижний миры связано с концептом жертвоприношения. Свидетельством ритуальной практики жертвоприношения у англосаксов-язычников считается их календарь, в котором ноябрь был месяцем задабривания богов (древнеангл. blotmonath «кровавый месяц жертвоприношений»). Жертвой богам предстает сам человек в верованиях, если он умирает как воин на поле боя, что соответствует древнескандинавским и древнегерманским воззрениям на смерть в битве, равную по своей значимости посвящению убитых богу Водену через его священных животных- волков и воронов. Как отмечает И.Ф. Янушкевич, понимание латинского термина *pagani* у англосаксов было амбивалентным: оно имело местный эквивалент *haethen* и отражало в их сознании образ чужака, иностранца, захватчика (особенно датчан), во-вторых, имелась ввиду вера во множество богов, подкрепленная их идолизацией и оккультными ритуалами. Только с окончательным упрочнением христианства на Британских островах термин приобретает неодобрительное толкование (древнеангл. *haethendom* «ложная религия») [5, с. 17-21]. Следует отметить важную роль короля в англосаксонской религии и церкви. Первым будущим христианским королем был король Кента Этельберт, чья жена Берта была христианка и восстановила церковь Св. Мартина в Англии. Под ее влиянием Этельберт попросил Папу Григория I послать миссионеров, и в 596 г. Св. Августин с группой монахов начали проповедовать христианство в г. Кентерберри (королевство Кент). В своей книге У.Чейни подробно рассматривает священную роль короля и его культ у англосаксонского народа. Для них

христианский король- это заместитель (наместник) Христа среди христиан. Англосаксонский правитель состоял в особых отношениях с божественным Королем – Богом. У него была эсхатологическая и сотериологическая миссия в качестве пастора, ведущего свое стадо к божественному Пастуху. Как и с языческими правителями, христианские короли могли потерять королевскую власть из-за неверности и потери божией милости. Церковь уничтожила священный статус короля, который раньше обожествляли язычники, но она заменила этот статус христианским понятием короля как Помазанника божиего. Христианскому правителю, как и его языческому предшественнику дано священное качество, которое зиждется на его обязанностях. Коронационная клятва англосаксонского короля выражает долг христианского монарха в вилле трех обещаний, возложенных на алтарь Христа: это подлинный мир Церкви и людям, запрет воровства и всего несправедливого, справедливость, милосердие и милость для процветания Церкви и христианизации королевского долга в целом. В англосаксонских законодательных институтах говорится о том, что христианский король должен быть как отец для своего народа и его долгом является продвигать христианство, устанавливать мир, любить справедливость, поддерживать бедных и праведных и наказывать злодеев. У.Чейни отмечает, что очень многие англосаксонские святые принадлежали к королевским семьям. Как и языческие короли почитались после смерти, так и христианские короли, известные за свою святость, победы, процветание своего правления получали статус (культ) святого (например, Св. Эдмунд из Восточной Англии). Священность королевской резиденции и короля и параллелизм дворца и храма обоснованы тем, что государственные документы короля хранились вместе с его останками, а храм часто был его частным владением. Христос и скандинавский бог Фрей (бог изобилия и короля) слились в новой религии и даже богиня Фрейя и ее служанки превратились в Деву Марию (Богородицу), точнее в три или девять Марий, как их было на севере Скандинавии. У.Чейни проводит параллель и большое сходство между скандинавским богом Балдэром, что означает «Господь, господин», Христом и королем (молодой бог Балдр поднимается на «чудесное дерево» и его ранят копьем и стрелами). Англосаксы имели три главных языческих праздника: День Зимы, День середины Зимы и День Лета, в которые король как исполнитель жертвоприношений является главным лицом и позднее христианский король носил свою корону трижды в год (в Пасху, Пятидесятницу-Троицу и Рождество). Языческие священные праздники Осени, Весны и Зимы были сохранены в христианстве, как и христианское таинство причастие (древнеангл. husl) восходит к языческому слову жертвоприношение (древнеангл. blot). Жертвоприношением христианского короля во время богослужения на главных праздниках является специальная серебряная монета, позднее замененная золотой монетой (у

некоторых англосаксонских королей). Кроме того, роль священного короля проявляется в качестве правителя-очистителя своего народа, который должен был молиться Богу за грехи и процветание своих людей [8, с. 51,53,65, 68-71,73,75,80,248,256,258]. Аналогичные факты приводятся в работе Л.О. Свиридовой, которая отмечает, что носителями древнерусской православной культуры царь воспринимался как сакральная личность, уподобляя его солнцу, совершающему суточный круг. Мифопоэтическая метафорика, связанная с образом царя-солнца, отражается в гимнографии устойчивым уподоблением Христа солнцу. Этапом культового церковного «оформления» царского чина стало миропомазание византийских правителей, что свидетельствует о размытии мифопоэтического представления о царском сане как сакральном. Статус таинства миропомазания в Руси означает, что власть царя осмысливается через мифопоэтическое представление о сакральности верховного правителя, но уже в культовых формах православной традиции [4, с. 20-21].

Таким образом, рассмотренная нами священная триада не является священной или святой, т.к. по своей сути и происхождению это мифология и фольклорный эпос, в основе которых лежат суеверие и вымысел. То же самое можно сказать и в отношении многочисленных агиографических списков так называемого Жития святых людей, в которых наблюдается множество противоречивых и несуществующих фактов. Очень часто из никому неизвестной личности делали святого (например, культ Св. Свитуна). Западные исследователи (например, П. Зеттель, 1982) доказали, что знаменитый англосаксонский богослов Эльфрик Эуншамский калькировал свои «Жития святых» из латинского двухтомного собрания легенд, составленного в Фландрии или Франции около 877 г., а также факт отсутствия в «Житиях» Эльфрика так называемого апостола Матфея. Или, например, так называемые святые Елена и Юлиана были включены в неагиографические тексты [7, с.2]. Примерно та же самая ситуация наблюдается и в агиографии у других народов мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарец Е.А. Лексико-семантическая структура мифологизмов в восточнославянском фольклоре (на материале сборников заговоров). Автореф. дис.... канд. филол. наук. Тюмень: изд-во Тюменского государственного университета, 2004. 21 с.
2. Воронцова С.С. Концепты религии в фольклоре. Курск, 2010.- 136 с.
3. Лосева И.Н. Миф и религия в отношении к рациональному познанию. Вопросы философии, 1992. № 7. – С. 64-77
4. Свиридова Л.О. Синтез мифопоэтической и христианской образности в древнерусской культуре. Автореф. дис....канд. культурологии. С.—Петербург, 2004 – 22 с.

5. Янушкевич И.Ф. Лингвосемиотика англосаксонской культуры. Автореф. д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. – 46 с.
6. Anglo-saxon mythology[Электронный ресурс]. URL: <http://www.gnome-at-large.com/ANGSAX/Anglo-Saxon-Mythology.html> (Дата обращения: 14.06.2011 г.)
7. Anglo-saxon saints legends. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ancientworlds.net/aw/Post/408025> (Дата обращения: 11.07.2011 г.)
8. Chaney W. The cult of kingship in Anglo-Saxon England. Manchester University Press, 1970. - 260 p.